

18+

18+

КУБИКИ ДЛЯ АСИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Андрей Ренард

Кубики для Аси

<https://litres.ru/74447728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна и та же девочка смотрит на закат в Петербурге, прощается на южном вокзале, молчит в московском метро и вырастает в женщину, которая умеет уходить.

В этот сборник вошли повести и рассказы, написанные за двадцать пять лет — от нежных "Кубиков для Аси" до сюрреалистичной "Эрзац-фантазии", от философской притчи "Господи, научи" до ключевых глав повести "Исчезнувший".

Это проза о любви, времени и тещине. О том, как прошлое не уходит бесследно, а ждет, пока его услышат.

Тот, кто знает вкус потери, — не боится тишины.

Содержание

КУБИКИ ДЛЯ АСИ	4
ОТРЫВОК	21
ЭРЗАЦ – ФАНТАЗИЯ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Ренард

Кубики для Аси

КУБИКИ ДЛЯ АСИ

Моим любимым Мише и Полине
Моим долгожданным Полине и Мише
посвящаю эту книгу

н а с т р о е н и е

Цвет глаз – голубой. Разный, а сегодня – голубой.

Ася играет в кубики, кубики послушно выполняют волю хозяйки и складываются в самые удивительные сочетания.

Кто такой Фонтенель?

Не знаю.

А на кого он похож?

На собаку.

Какую?

На пуделя.

Как Артемон, да?

Все очень просто: Фонтенель – семнадцатый век - фонтан – Петергоф – Летний сад. Или еще проще: Фонтенель – Ла-фонтен – дедушка Крылов – и тот же Летний сад.

Снег – колючий, ветер – противный, я его помню, Пушкин раненый, не веря мокрой от крови руке, поражен, что в этот раз не сошло с рук.

Над пропастью во ржи, где-то глубоко под горой, над водой, девочка рисует закаты. Рисует без красок и без кисти, без карандаша и даже без бумаги. Она еле заметно шевелит губами, пытаясь дать имя каждому закату. Имен не хватает, а закаты – один краше другого, они манят её – туда, куда она пока не плывет. Девочка терпеливая, она ждёт, она выбирает из закатов самый-пресамый...

Глупый пудель Фонтенель сказал:

- Любовь – самое утреннее из чувств.

Девочка ответила:

- Я знаю...

Она не может этого знать, но ответила уверенно. Даже дедушка Крылов покачал своей бронзовой головой, - еле-еле, чтобы не свалиться с пьедестала.

Она вообще всегда отвечала уверенно, - ей казалось, что это правильно. Или – зачем тогда вообще отвечать?

Закат нарисован – сумасшедший, сводящий с ума, - такое даже вообразить невозможно.

Почему закаты красивее восходов?

Может, ты просто просыпаешь восходы?

Нет, я видела, но закаты красивее...

Наверное, завершение всегда ярче начала...

Нет, не поэтому. Закат все равно красивее...

А Ромео и Джульетта спали вместе?

Не знаю. Наверное, нет.

А Тристан и Изольда?

Вообще не знаю...

А еще кто-то?

Что?

Ну, еще кто-то, кого я знаю?

Что?

Ну, спали вместе?

Герасим и Муму, она у него в ногах спала...

Открыта форточка, с Реки гонит сырость и звуки. Звуки – тоже сырые.

Цвет глаз – серый. Разный, а сегодня – серый. Сероглазка.

Ася играет в кубики, кубики не слушаются и разбегаются

по всей комнате.

Если ты меня покинешь, я вообще не знаю, что с собой сделаю!..

А почему я тебя покину?

Нет, это я так говорю, чтобы не случилось! Может быть, я заклинание волшебное ищу?

Зачем?

Чтобы попробовать...

А ты не хочешь, чтобы я тебя покидал?

Не хочу.

А зачем я тебе нужен?

Не знаю... Мама, я слышу, сейчас иду!..

Тебя зовут.

Ага...

Не знаю, что говорил Фонтенель, для меня любовь – самое ночное чувство. Когда лежишь, вся усталая, разбитая за день, - одни переезды через Реку чего стоят, меняешь по три автобуса. Три – туда, два – обратно... А заснуть не можешь. Самое ночное чувство.

Я сажусь на постели, поджав под себя ноги, и смотрю в уголок форточки, - из-за занавески виден только один её уголок. Другой тоже виден, но он просвечивает в полоску, а через форточку – и даже через занавеску, - слышна ночь. Неужели ты её не слышишь?

За форточкой – дома, за ними небо, а под ним – Река. А за Рекой – правда, далеко, - аэропорт.

Я поворачиваю голову к аэропорту и говорю с тобой, слышишь?

Только ты не торопи меня, ладно? Потому что я и так сама тороплюсь. Я просто очень не хочу тебя потерять.

Откуда в тебе эта мудрость взрослой женщины?

А я и есть – взрослая женщина!

Ты – ребенок. Взрослый ребенок...

Нет. Ребенок – это ты, а я – взрослая женщина.

И знаешь, катаются передо мной сейчас – прямо в темноте, я их так и вижу, - три шарика цветного мороженого. Как лучи на потолке – в дискотеке. Потом откуда-то из-за угла выкатывается еще один шарик – оранжевого, даже багрово-оранжевого цвета... А когда мы с тобой встретились, я в чём была одета, помнишь? И я сижу, смотрю на эти шарики, и вдруг испугалась – как же я их буду есть?

А кто такой Фонтенель?

Философ.

А что он делал?

Как это?

Ну, откуда он всё это про любовь знает?

Не знаю. А ты откуда?

От себя. От нас.

А что ты про неё знаешь?

Я пока не готова сказать. Только чувствую, что знаю.

Всё-всё?

Нет, совсем немножко...

Вот Пушкин, наверное, знал всё. Или просто ему так казалось, что знает. Ведь всего знать, скорее всего, просто невозможно.

Вот я знала про любовь очень много, но не знала же, что встречу тебя. Хотя, о чем-то догадывалась. Я ведь знала, что встречу тебя, - я ещё год назад про тебя и про нас стихи написала.

Тьма накрыла ненавидимый прокуратором город, и любовь выскочила из переулка. Она шла с желтыми цветами, хотя мне всегда нравились белые или розовые. Когда у нас будет свадьба, я хочу быть в розовом платье, - тебя это не смешит? Тебя вообще не смешат мои мысли — я всё говорю, говорю что-то...

Пушкин любил гулять по набережным Невы. Особенно ему нравилась та, что напротив Медного всадника. А я шла по противоположной стороне и наблюдала за ним. Он шёл — маленький, неуклюжий, непричёсанный, - и что-то бормотал себе под ноги...

Как его занесло на Васильевский остров?

Кого?

Пушкина?

Почему на Васильевский остров?

Потому что напротив Петра – Васильевский...

Ну, он там гулять любил.

Он любил гулять в Летнем саду.

Так то летом, а сейчас ведь зима...

А зачем он туда пошел? Долго же идти-то от дома, холодно... И через Неву перебраться надо... И ветер – с залива, - злой, колючий...

А он случайно забрёл. Задумался о своём – и забрёл.

А почему один?

Вот и я тоже удивляюсь...

А где ты любишь гулять зимой? Ты вообще любишь гулять зимой? И когда ты смотришь на деревья – все в инее, как в белой или серебряной краске, - ты о чём думаешь?

А о чём ты думаешь летом? А осенью?

А что ты сейчас думаешь? Ведь это только у меня ночь, а у тебя – ещё вечер. Может быть, даже закат виден. У тебя сегодня красивый закат? Он тебе нравится? Расскажи про него!

...Пушкин очень любил закаты. Потому что вместе с ними приходила ночь, - когда можно было никуда не торопиться, а думать, что-то писать, бормоча себе под нос. И вот как-то, бормоча себе под нос, смотря на свечку, которая долго-долго обугливала фитиль, сворачивая его хвостиком дворовой собачонки, он написал о любви. И именно от него я в школе узнала, что бывает любовь.

А теперь? Больше, чем в школе знаешь?

Нет. Теперь – меньше.

Почему?

Я что-то запуталась. Раньше всё было понятно.

А теперь?

А теперь почему-то и думать об этом не хочется...

...Он просто шёл по той стороне Невы. По другой от меня. Чтобы мне было легче за ним наблюдать. Это совершенно не означало, что я с ним не смогу встретиться. Подумаешь, речка разделяет! Деятнадцатый век – не разделяет, а только объединяет – мазуркой и розовым платьем.

Вот увидишь, какое у меня будет платье!..

Ася заснула, не собрав кубиков. Кубики без Аси играть не хотят.

КАТЕНЬКА НА ОТДЫХЕ

Я настолько уже не верю, что всё, описанное здесь, когда-то происходило в жизни или хотя бы могло происходить, что, даже глядя на эти листы, начинаю подозревать самого себя в фальсификации.

Чтобы ничего не выдумывать, здесь будут только факты.

История в двух-трёх песнях.

«Не пройдет, казалось, лето...»

Это была даже не песня, - этот клич раздавался из всех громкоговорителей на всех пляжах и во всех кафе. Меня с приятелем занесло на отдых в провинциальный курортный городок на берегу самого синего в мире, где в тот год предстояло восстанавливать силы перед очередным зимним студенческим заплывом. В этом городке когда-то прошло детство, жила бабушка, я научился плавать, потом испугался моря.... Оказавшись в нём уже взрослым, я ходил по музею собственных детских пляжных путешествий.

В местном универмаге, ища то ли очки от солнца, то ли шорты, что-то из обычно забываемого с собой на отдых, мы с приятелем купили детскую игрушку: альбом с вырезками для одевания куклы. Называлось это творение «Катенька на

отдыхе». Я был тогда увлечён девицей именно с таким именем, и мы решили взять эту картонную копию себе в компанию. Появился даже девиз «Нас дома Катенька ждет!» - в ответ на заглядывание кого-то из нас на проходивших девушек. Означало это примерно следующее: «Не изменяй Катеньке!» И мы оставались верны нашей спутнице в течение всего отдыха: спали, купались, пили вкусный крымский коньяк и даже ходили в кино. «Катенька» исправно ждала нас дома.

Один раз нам хватило сил и усидчивости, чтобы вырезать из бумаги некий детско-сексуальный наряд и вырядить нашу героиню. Конечно, мы думали, что будем переодевать её каждый день, но что-то стало лень. Так всё одной матросочкой с короткой юбчонкой и закончилось.

Где теперь эта наша картонная пассия-игрушка не знаю. Не помню даже, взяли ли мы её с собой в Москву. Не помню. «Не пройдет, казалось, лето...»
Лето прошло, и мы вернулись к своим делам.

«А птицы летят высоко-высоко...»

Песнь была «А птицы летят далеко-далеко...» Потом они летели «высоко-высоко»... А мы, молодые ребяташки из летнего пионерлагеря, у которых что-то еще маячило в перспективе этой жизни, глядели на загорелую стройную девочку с круглыми коленками под короткой клетчатой юбкой и

спорили, в каком классе учиться наша первая красавица. Тот факт, что она была в первом отряде, ещё ничего не значил: она могла быть и помладше, и постарше. Вожатой второго отряда была её старшая сестра. Видимо, чтобы не допускать семейственности, сестёр развели по разным корпусам.

Сестру звали Марина, а красавицу – Ворнякова.

Можно сказать, что сестру вали Ворнякова, а красавицу – Елена. Елена Прекрасная из первого отряда.

На следующую смену мы подружились: я был подменным вожатым, то есть, имел массу свободного времени. Мы уходили гулять в тихий час, собирали вкусную запретную землянику за забором лагеря и говорили обо всём. Нас разделяло всего несколько лет.

Потом нас обоих выгнали из лагеря – тихо-тихо, чтобы не раздувать скандала. Мне просто сказали, что подменные вожатые больше не нужны, а её сестре объяснили, что лучше бы забрать взрослую девочку домой.

Была осень – вслед за летом, сестра готовилась выйти замуж, - но совсем не за Юру-геолога, вожатого первого отряда, который ухаживал за ней года четыре, а за какого-то толстого старшину-милиционера по имени Коля. Ленка всё это переживала. Марине, кажется, было всё равно. Меня Марина воспринимала таким же ребёнком, как и свою младшую сестру, хотя мы и были ровесниками.

Марину увезли в роддом где-то в декабре или январе, я уже не помню. Нет, в январе, Новый год уже прошёл, у меня заканчивалась сессия. Значит, это был конец января. Нет, март. Вспомнил.

- Коля, а почему Марины не видно больше? Вы поругались?

- Она...ну, уехала.

- Как – уехала? Куда?

- Откуда я знаю!

- Значит, вы всё-таки поругались, да?

- Никто не ругался, чего ты говоришь...

- А куда же она уехала?

- Далеко. Навсегда.

- Как это – «навсегда»?

- Никак. Обыкновенно.

Мама очень любила Колю.

Я его невзлюбил с первого взгляда, как и Ленка.

Марина умерла при родах. Ребёнок был здоров, и через три недели Ленка с матерью встречали на пороге здоровую и голосистую девочку, которую называли Катей, - как и мечтала старшая сестра.

2 октября 1978 года.

... Давненько я не притрагивалась к этой тетрадке... и

не знаю, буду ли писать дальше, - ни сил не хватает, ни времени. Катька болеет всё время, мама сердится на меня, что я её бросаю на неё, а я хочу чуть-чуть работать.

Катька красивая – Марина бы порадовалась.

Вчера пошли с Юлькой, Маринкиной подружкой, в бар. Тут, на «Соколе», открыли настоящий маленький бар. Там и коктейли есть, и курить можно, и музыка неплохая играет. Пошли вместе с её другом. А с ним – ещё его друг, спортсмен, сказал – футболист. Наверное, точно спортсмен, ни капли коктейля не выпил – только сок и кофе. Сергей. Он весь вечер всё шутил со мной, смотрел на меня – я ему понравилась, это точно.

Мы договорились встретиться завтра – он в кино позвал. Вот не знаю, как ему про Катьку сказать. Не говорить же, что она чужой ребенок. Какая же она чужая? А если мы с ним поженимся, как же он её полюбит?..

Мне иногда кажется, что я её сама родила. Мне даже кажется, что я уже не боюсь быть с мужчиной, я не очень представляю себе, как это. Юлька говорит, что это совсем не страшно, только сначала чуть больно, а потом даже очень нормально. Я боюсь, что могу испугаться раздеться при нем...

«Не отрекаются любя...»

2 февраля 1997 года.

Сегодня (уже вчера, три часа ночи) мне девятнадцать. Уже совсем большое число. Хотела отпраздновать с Нинкой, но вечером вытащили на заказ. А послезавтра – платить за квартиру. Всё равно – домой не вернусь. Мамке все равно – с её новым хахалем, а бабушка ворчит и ругается, а иногда просто плачет – и всё. Мне там тошно.

Сегодня хотели отпраздновать, купили вина французского, Нинка спит, а я одна пью, вкусно, наверное.

С днём рождения тебя, милая моя!

15 марта 1997 года.

Потом этот толстый заставил меня раздеться и стал напирать на меня разные вещи. То нарядил в какой-то халат, заставил полотенцем обмотаться. Потом в чулках и в рубашке – какая-то его рубашка, большая, рукава длинные. Ничего такой видик.

А потом достал старый китель, военный, очень колючий, и они с другим стали хохотать, меняя разные одежды на мне. Сначала было весело, они шампанское достали, вкусное. Потом что-то мутить стало, я даже подумала, что отравилась. Потом совсем тошно стало. Уж лучше бы сразу трахать стали.

Ирка, с которой я теперь работаю, меня отругала, они у неё постоянные клиенты. «Чего ты, сказала, они же не били, не делали чего-то, чего ты выёбывалась?» А я не выёбывалась, мне просто грустно было. Ей-то хорошо, она – мамка,

она не ездит сама, она только нас посылает.

Когда я вырасту, то тоже стану мамкой: не буду ездить по всяким мудакам, а лучше девчонок посылать. А сама замуж выйду.

А то я с каждого заказа всего по 30 или 35 долларов имею, а ещё такси. Да ещё и на субботник попасть запросто, вон Ирка уже четыре раза попадала, а я, правда всего два.

И ещё какая-то песня всё вертится в голове, никак не могу вспомнить...

Она стояла в автомате, её трясло. – а вокруг понемногу вступал в свои права рассвет. Её трясло от холода и от самой себя. Она больше всего боялась посмотреть на свои руки.

- Это я. Я тебя разбудила?

- Ну, вообще-то.... Ты чего это, с утра пораньше?

- Я н-ничег-го... Я, кажется, замерзла...

- А ты где?

- В автомате.

- Каком?

- Телефонном...

- А чего тогда на улице шастаешь, если замерзла?

- Андрюш, я, кажется, человека убила. Что мне делать?

- Какого человека?

- Обыкновенного. Даже двух.

- Зачем?

- Не знаю. Они меня били.
- Что случилось, Кать?
- Не знаю...
- Не реви, подожди, говори, что случилось.

Почему-то с отчетливостью сна показалось, что телефон уже прослушивается. Только бы она ничего не сказала больше!

- Ты говорила, что давно не была у бабушки. Да?
- Да.
- Быстро езжай к ней. Только никуда не заходи по дороге.
- А зачем?
- Я тебе говорю: езжай. Деньги на дорогу есть?
- Нет.
- Значит, зайцем поедешь. Поняла?
- Да.... А зачем?
- Езжай и ни о чем не спрашивай. Приедешь, скажешь бабушке, что заболела, что простудилась, что с матерью поругалась... Что угодно. Поняла?
- Да...
- Никуда не заходи, никуда! Сразу на электричку!
- Хорошо.
- Недели две-три сиди, не вылезай. Потом мне позвонишь, ладно?
- Конечно.
- Всё, езжай быстро!

Больше она не позвонила.

Две-три песни.

ОТРЫВОК

...Едва Владимир проехал околицу, сердце его забилося. Справа от дороги его встретила церковь, знакомая с детства. Когда-то, каждым летом, когда его привозили в Москву, бабушка непременно заставляла его креститься на эту смешную маковку, под сенью которой в незапамятные времена произошло ее венчание. Сад Куракиных? Алтуфьево?.. Или я его уже проехал?..

Слева тянулись бесконечные владыкинские рощи, справа на Владимира глядели маленькие избы, выросшие в землю грибами своих крыш. Солнце клонилось к закату, а до Москвы оставалось не менее пятнадцати верст.

Кто-то явно наблюдал за ним - с лёгкой хрустальной улыбкой, - но Владимир не обращал на это никакого внимания, и лишь ветер шумел в его ушах. Оранжевый шар солнца уже готов был скатиться за край леса, но, казалось, боялся уколиться о верхушки елей и старался незаметно, бочком, протиснуться между ними.

Стало холодно, и Владимир прищипорил коня. Он спешил на бал: по средам Долгорукие собирают у себя весьма приятную компанию.

Улетев в своих мыслях в предстоящий вечер, он не заметил, как подъехал к Бутырской заставе. Отсюда, от во-

рот, начиналась прямая дорога, выводившая его через Малую Дмитровскую слободу прямо к роскошному особняку Долгорукого-младшего.

На небе между тем уже взошла луна, под которой россыпью светлячков сверкали оконца Слободы.

Луна смотрела на молодого армейского прапорщика и улыбалась - как будто хитро склонив голову набок.

«Что ты смеешься? Тебе весело? Или ты смеешься надо мной? Ты думаешь, я опять еду попасть ей на глаза? Да мне все равно, как она на меня смотрит!.. Что ты молчишь?!»

Луна отвечала: «Я люблюсь тобой! Только жалко, что ты не понимаешь моего молчаливого языка...»

Вот и Дмитровка. Владимир кинул поводья выскочившему лакею и устремился навстречу музыке, в которой угадывались свечи, шартрез, танцы, обмен записками. Сегодняшний вечер был предназначен ему и только ему, он это чувствовал и радостно спешил навстречу судьбе.

Через мгновение на пороге зала его подхватил вихрь света и музыки.

Маше показалось, что одна нотка спрыгнула с пюпитра и побежала гулять по паркету. Она с трудом уворачивалась от ног танцующих, несколько раз её подхватывал - как волной, - шлейф платья, но вот, наконец, ей удалось выскочить на лестницу. Оттуда - бегом, прыжками, скачками - вниз, к выходу. И вот она уже скачет по булыжнику, выскальзывает на

улицу, чудом увернувшись от ног первого встречного прохожего.

Горошинка-нота убежала от своего крючочка-паузы, от своих подруг-горошинок, променяв уютные линейки на новое и неизвестное. Визг шин прервал Машины мысли, - она стояла у светофора. Пора было расставаться. Восьмым уроком в тот день была литература, на которой, как и на всех остальных, их натаскивали на предстоящие экзамены.

- Пока! До завтра! - приветственные взмахи руками, воздушные поцелуи, и толпа одноклассников рассыпалась.

Я шёл за нею всю улицу: меня привлекла сначала ее походка, затем - когда она повернула голову, - заморозил профиль. А теперь - еще и глаза.

Я купил у бабушки в переходе букетик ландышей и побегал догонять очаровательную незнакомку вниз по эскалатору. Настиг я её в тот момент, когда она сходила с последней ступеньки лестницы.

Я вдохнул терпкий запах ландышей и окликнул её:

- Барышня, Вы позволите?..

И букет был преподнесен. Маленькие колокольчики ландыша, как хрустальные висюльки люстры, беззвучно качались, стукались друг о друга. Они не издавали звука, они думали о нём.

Пепельная головка обернулась через плечо и с удивлением посмотрела на меня. Взгляд - удивление. Глаза вспыхивают, потом гаснут. Она что-то показывает мне руками: я ни-

чего не понимаю. И только узнаваемое шевеление губ приводит меня в испуг: она глухонемая!

Господи, как нехорошо получилось!..

Мама рассказывала, как давно, когда я был маленький, она привязала в автобусе воздушный шарик какому-то мальчугану к пуговице пальто, а тот оказался карликом... Теперь этот карлик встал у меня перед глазами...

Я выхватываю из кармана ворох каких-то бумаг, вскрытый конверт и на чистом обороте пишу:

«Это – Вам».

Она смотрит недоверчиво, потом улыбается, движение губ и рук: она берёт букетик - ландыши задрожали, издали свое воспоминание о звуке. Затем она берёт мою бумажку и пишет в ответ:

«Спасибо».

«Вы очень красивая, я пол-дороги за Вами следил».

«Спасибо».

«Я правду говорю».

«Спасибо».

И - улыбка в глазах. Мне показалось, что я услышал её смех - звонкий и очень легкий. Намёк на смех. Или - напоминание о смехе...

Людской поток, вываливаемый с эскалатора на маленькую площадку, раздваивался: кто на «Пушкинскую», кто на «Чеховскую»... Так бабушка в детстве учила меня перебирать крупу.

«Как Вас зовут?»

«"Маша».

«"Красиво».

«Спасибо».

Смех в глазах - уже не скрываемый;

А вас? - это она не написала, а спросила - глазами, плечами.

«Володя».

«Я так и думала».

«Почему?».

«Не скажу».

Чистые поля на конверте кончились, надо было искать другое средство общения. Я полез в сумку и вытащил одну из тетрадей, оказавшейся лекциями по статфизике.

Я начал писать. Она заглянула в тетрадь. На странице крупно было написано только: «Идеальный газ», подчёркнуто двумя чертами, а затем несколько раз обведено. Дальше шла белоснежная гладь листа.

Лукавый взгляд: что это? Да так, ничего, это неважно... Я пишу и заслоняю ладонью лист. Она ждет.

«Маша, можно я Вас поцелую?»

Тетрадь переходит к ней в руки. Она вертит её, не подни-

мая глаз. Передо мной вновь возникает карлик, становится холодно спине. Маша смотрит в тетрадь, ресницы её дёрнулись, но тут же опустились вновь. Рука поправляет застёжку на куртке.

Она поднимает глаза. Взгляды встречаются. Ландыши - бархатным звоном, маленькие люстры...

Он целует её тихо-тихо в губы, боясь нарушить тишину.

«Маша, я не хочу Вас отпускать».

«Не отпускайте».

Смеется? Или нет?..

«Поедем ко мне в гости?» (Крупными и смелыми буквами. Буква «г» не удалась, стала похожа на «ч»...)

«Маша, я Вас очень прошу, не бойтесь ничего».

«Мне еще семнадцать лет».

«Я же Вас не в армию призываю».

Засмеялась. Взяла его за рукав, оторвала от стенки и потащила вперёд. Вестибюль заполнился ландышным смехом. Посередине зала она остановилась, взяла у него из рук тетрадку и написала крупно:

«Пойдёмте».

Прислонившись к надписи «Не прислоняться», они стояли в самом уголке вагона, несшего их через гул и темноту тоннеля. Тетрадка трубочкой была втиснута между ними.

«А Вы умеете читать по губам?»

«Да».

«А что я сейчас говорю?»

И он прошептал ей: «Я в тебя влюбился!»

«Не скажу!»

Теперь уже смеются оба. Маша нюхает ландыши, зарывается в них по самые глаза, Володя ныряет туда же.

«А ты научишь меня говорить по-своему?»

«Если захочешь».

«А скажи что-нибудь».

Она шепчет беззвучно, руки рисуют в воздухе какую-то мелодию.

«Что ты сказала?»

«Не скажу!»

«Что ты любишь есть на ужин?»

«То, что быстро готовить».

«А что мы будем пить? Шампанское, коньяк, шартрез?»

«Что такое шартрез?"

«Вино. Какое-то вино. Что-то из литературы».

«Будем пить шартрез, ладно?»

«Будем. Если найдем».

Поезд дальше не пойдет. Просьба выйти из вагонов. Дальше они шли пешком.

Сбоку подхромала и облаяла маленькая злючая чёрная со-

бачонка. Она лаяла так злобно, так неистово и так обречённо, что мгновенный испуг сменился глубоким выдохом.

«Я покажу тебе солнце».

«Я видела солнце, я часто в него смотрю».

«Я покажу тебе своё солнце».

И они полезли на крышу башни-двенадцатиэтажки. Тихо притворив за собою дверь, пройдя какой-то ничей балкон, затем ещё марш лестницы, они оказались в полутёмном во-нющем загончике. Пыльная ржавая дверь поддалась, и над головами открылась голубизна неба. Подсадить Машу, затем подтянуться на руках, опираясь на стенки маленькой шахты, было уже совсем лёгким занятием. Выше них были только провода, тянущиеся к соседнему дому. А впереди, прямо перед ними, катился в зеленые холмы олимпийского велотрека огненный диск солнца, немного неровный - как леденец, чуть облизанный с одной стороны.

То ли от оранжевой краски, то ли от быстро синеющего неба, то ли от ветра - холод сковал их обоих. И только гул в ушах - страшный гул ветра. Первый звук, услышанный мною за всю нашу дорогу.

До дома добирались молча. То есть - не переписывались. Было о чём помолчать. Окрестные дома приветствовали их мягко вспыхивающим салютом - гроздьями зажигались жёлтые, голубые, зеленоватые, оранжевые окна комнат, кухонь и подъездов.

«Я чищу картошку, а за тобой – шартрез».

Опять смеётся? Глаза лукавые, но добрые.

Ужин с шартрезом - это картина для двоих. Двое её видели и запомнили. И лёгкое игристое вместо крепкого ликёра. Вкуса этого ужина нам всё равно не попробовать.

Свечка на столе - оранжевая. Бокалы. Тарелки, чашки и прочее. Разрезанное яблоко. И - тетрадка с ручкой.

«Мне надо ехать домой, уже поздно».

«Посидим ещё»

«Мама будет волноваться».

«А ты позвони»

«Я не звоню. Я не могу говорить по телефону».

Господи, господи!.. Дурацкий карлик выпорхнул перед глазами и захохотал, съедая привязанный к пальто воздушный шарик. Он жевал уже воротник пальто, раздуваясь всё толще и толще, и дико хохотал.

Маша тихонько положила ему палец на губы. Он впился поцелуем в этот палец, схватив всю руку и прижав её к себе.

Милая моя, девочка моя... Ты прости меня, прости!.. Я забыл, я совсем забыл...

Ты не переживай! Давай ты будешь относиться ко мне так, будто я все могу, ладно? Я не хочу быть инвалидом - это так обидно, когда есть что-то в жизни, что тебе недоступно... Жалко, что ты не понимаешь моего языка, я бы многое тебе рассказала. Мне впервые хочется кому-то рассказывать и рассказывать о себе!.. А писать - это очень долго и трудно... Как я хотела выброситься из окна, когда мама решила офор-

мить мне третью группу...

«Давай отправим телеграмму».

«Она к утру придет. Надо ехать».

«Где ты живешь?»

«В Бибирево».

«Давай мы кого-нибудь пошлем к тебе домой?»

«Как?»

...Сейчас-сейчас, я только вспомню, кто там живёт. Ещё не поздно, если Сережка дома, он съездит обязательно... Ты напишешь записку, я ему её прочту по телефону, и он отнесёт... Или расскажет...

«А мама твоя слышит?» - кивок головы.

- Так чего же я глупости порю?! Давай я ей позвоню, а? - и он схватился за тетрадку, но Маша уже кивнула - сначала нерешительно, а потом упрямо и твердо.

- А что ей сказать? - Маша пожала плечами, взяла ручку и, уцепившись зубами за колпачок, раскрыла тетрадку.

- Что, а ты тоже меня слышишь?!

Кивок, пепельная челка закрывает глаза, и Маша кончиком ручки сдвигает её в сторону.

- А что же ты раньше не говорила?! Взгляд.

- Ой, что это я говорю!.. Прости меня, Машенька!..

В тетрадке было написано:

«Мама, это от меня. У меня всё в порядке, - ты ведь веришь своей Артемизе? Буду завтра после школы. Ц.М.»

Последние две буквы были подчёркнуты.

- Это что? - Володя показал на них. Маша написала:

«Ц.М. - это наш код. Целую-Маша».

«А как маму зовут?»

«Наталья Николаевна».

- Я звоню? - Володя взял трубку. - А какой у тебя телефон?

Странно, так непривычно разговаривать!..

Маша набрала номер и передала ему трубку. Длинные гудки: четыре, пять, на часах - без пятнадцати двенадцать. Наконец, трубка поднята.

- Алло!

- Наталья Николаевна?

- Да...

- Добрый вечер.

- Добрый вечер...

- Это говорит Володя, Вы меня не знаете... Тс-с!.. (Это относилось уже к готовившейся прыснуть своим беззвучно-хрустальным смехом Маше.) Я звоню от Маши. То есть, она от меня.

- Подождите, я ничего не понимаю. Кто это?

- Володя. Вы меня не знаете. Маша сейчас у меня, и я Вам от неё передаю... Давайте я лучше прочитаю...

- Что читаете?

- Записку, она Вам её написала.

- Какую?

- Слушайте: "Мама, это от меня..."

...Господи, как же трудно говорить!.. Как легко смотреть в эти всё понимающие глаза, как просто всё выразить лёгким пожатием руки, одним прикосновением пальца!..

- Володя, а сколько Вам лет?

- Наталья Николаевна, с Машей всё будет в порядке, я Вам обещаю. Я её не обижу, честное слово! Хотите, запишите мой телефон, или адрес...

- И всё-таки, Володя, сколько Вам лет?

- Двадцать шесть.

Пауза была невозможной.

- Вы только помните, что ей намного меньше. И не обижайте её, — это всё, с чем я могу к Вам обратиться. Мне остается только молиться, чтобы Вы оказались порядочным человеком. Она и так перенесла слишком много в жизни...

Я вышел с телефоном в другую комнату:

- Наталья Николаевна, я слишком хорошо отношусь к Вашей дочери, чтобы даже в мыслях своих позволить себе её хоть чем-то обидеть. Поверьте мне!.. Хотите, я завтра вместе с ней к Вам приеду?

Пауза.

- Скажите Маше, чтобы она не проспала контрольную. У Вас будильник есть?

- Да.

- А вы, что, там только вдвоем?

- Да.

- Володя, дайте, пожалуйста, ей трубку.

Я вернулся в кухню, волоча за собой электрический хвост колечками.

- Маша, тебя!

Она схватила трубку. Я вышел из кухни и закрыл плотно дверь, хотя ни одного звука оттуда не доносилось. Дошёл до комнаты, вышел на балкон - в домах напротив чересчур поспешно гасли бывшие гроздья салюта - жёлтые, красные, белые, оранжевые и зеленоватые. Задерживались - словно мерцающая и переливающаяся на небе, - только лилово-фиолетовые: там смотрели телевизоры.

Я слышал, как Маша положила трубку, как тихие её шаги приблизились ко мне, как ладошки сзади закрыли мне глаза. Я слушал её дыхание.

Володя обернулся и встретился с неожиданно весёлыми глазами. Они смотрели на него, они успокаивали, они хотели жить, и они жили.

- Милая моя!.. - Он задохнулся от собственной нежности, он обхватил её руками, сжал - до хруста костей, навсегда запомнив подушечками пальцев рубчик ткани её блузки. Он целовал её - в губы, в щёки, в глаза, оказавшиеся мокрыми и солёными. Маленький тёплый её язычок, - и страшный карлик заскрипел чем-то металлическим сзади него. Володя уткнулся глазами и губами ей в волосы - он еле сдерживал

слезы.

- Милая моя, я буду с тобой говорить, ладно? - она кивала.
- Ты слушай меня, я ведь всё понимаю, что ты мне отвечаешь. Хорошая моя, как я тебя люблю!..

Можно ли что-то прибавить к тому, что волосы её пахли ландышами?..

...На балконе было холодно, и они вернулись в комнату.
Маша принесла с кухни тетрадку.

«Мама не сердится. Ты не волнуйся».

«Тебе хорошо со мной?»

«Очень».

«Ты рада, что поехала?»

Поцелуй был самым точным ответом.

«Расскажи мне про себя».

- А что? (В её зрачках пляшет огонь свечи. Два огонька.) Я не знаю, что говорить. Мне кажется, что ты знаешь про меня всё... (Отвечают плечи и глаза). Давай, ты будешь спрашивать?

«Ты учишься?»

«Нет, учу».

«Ты подробно говори, не пиши».

- Я уже учу. Студентов. Ты про эту тетрадь? Я искал свои старые лекции, потому что помнил, как нам всё хорошо и понятно объясняли. Но я не учёл, что я плохо записывал... Вот - веду семинары, иногда читаю лекции.

«Это интересно?»

- Да... Иногда. На самом деле - интересно, когда кажется, что ты кому-то нужен...

«Это всегда».

- Что «всегда»?

«Когда нужен - интересно. Всегда».

Вот и он уже отвечает глазами и плечами.

«А ты меня тоже спрашивай».

«О чём?»

«Обо всём. О чём хочешь».

- Расскажи мне про школу...

«Это долго и не хочу. Я её скоро закончу».

- Теперь - твой вопрос.

«У тебя было много женщин?»

- Не знаю... (Брови и носик - это тоже вопрос.) Я правда не знаю...

Наверное, много. Хотя, если честно, - то помню я только нескольких.

«Ты с ними жил?»

- Ну... Жил - с кем-то... Ну, конечно... Я тебе лучше вот что расскажу... Что ты там пишешь?

«Не надо».

- Что?

«Не рассказывай».

- Почему?

«Не хочу».

- Ты обиделась?.. Маша!.. (Глаза смеются, глаза радостные, глаза живут кивают, как шапочки ландышей. Так не обижаются.)

«Спрашивай меня».

«А у тебя были мужчины?»

«Нет».

«Никогда?»

«Нет».

«А ухажёры?..»

«Кто это?»

- Ну, кто дарит цветы, развлекает, с кем ты целуешься...
С кем ты гуляешь...

«Это ты».

...А ещё я люблю музыку. Я её чувствую всем телом, а руки мои - словно сами её играют... Когда я танцевала в балльных танцах, они все смотрели на меня. Я чувствовала на себе их взгляды, я им нравилась - и знала это. Я ушла, потому что там был один мальчик, в которого я влюбилась. Я боялась, что он со мною заговорит... Я не помню его лица - я не поднимала на него глаз. Я помню его причёску и шарканье: танцевал он ужасно!.. Ты так похож на него!.. Почему я тебя не боюсь?.. Я тебя совсем не стесняюсь!..

- Маша, давай потанцуем? Хочешь? (Он уже действительно научился понимать её без слов). Какую музыку включить?
Маша села разбираться в кассетах, что-то включила, вы-

прямилась, подошла к Володе и положила ему руки на плечи.

В тот вечер Армстронг играл и пел только для них. Всё было для них. Она остановилась. Она нагнулась и села около тетрадки. Внимательно посмотрела ему в глаза и вывела аккуратным почерком:

«Я хочу быть твоей женщиной».

Крючочки пауз и горошинки нот спрыгивали с нотных линейек: они кружились, вились, они путались под ногами, сбивали с пути. Одна подпрыгнет, спружинит от пола, перелетит на плечо, проскачет по всем пуговицам, - ты только погонишься за ней, как сзади дерзко облает тебя другая, хрипловатая - словно ты наступил ей на ногу. Потом они вдруг все соберутся - дразня и смеясь, вытянутся клином и улетят, - чтобы через секунду вывернуться откуда-то из-за плеча, рассыпаться крупой - барабанной дробью. Они путали, они кружились, они носились роем в этой вышине - без конца и без предела. Выше них были только провода, напоминающие больше нотные линейки.

А сверху улыбалась луна, чуть склонив голову набок.

Володя смотрел - Маша танцевала. Она разговаривала с ним. Она говорила плечами, хрупкие плечики - без блузки они выглядели совсем детскими. Она смеялась рассыпанны-

ми пепельными волосами. Она танцевала между свечек свой языческий танец - босая, обнаженная, смелая и сильная. Она сама была язычком пламени - то исчезая в темноту, то появляясь вновь. И только маленький белый треугольник детских трусиков, как фосфорный, плавал по комнате.

Музыка закончилась, но руки продолжали говорить, просить, молить и петь. Впервые она рассказывала о себе всё - без утайки. И была счастлива.

Володя взял её на руки и понес. Три с половиной шага - до кровати, - но это сосчитать могла только луна, потому что они этой дороги не заметили,

...Он был с нею нежен. Он держал на весу хрупкие хрусталики её волос, рук. Он боролся с дурманящим запахом ландыша, - а за его спиной - он это чувствовал, - молча ждал страшный карлик. Тишина его сопения была непереносимой.

- Милая моя, Машенька моя!.. Хорошая моя!.. Как я хочу, чтоб тебе было хорошо!.. Чтобы ты всегда была счастлива!..

Она вертела головой - как в тифозном бреде, как в горячке от жажды... Она стонала, хрипела... И вдруг закричала - невероятно, страшно, звонко... Ещё закричала...

- Володечка, милый!.. - Она кричала в полный голос, не открывая глаз. - Ещё! Ещё!.. Милый мой!.. Mamочka!..

- Тебе хорошо?

- Да, да!.. Любимый мой!..

- Мама, ты меня слышишь? Это я... Я... Ну, не плачь!.. Всё хорошо, правда... Мамочка!.. Ну, чего ты?.. Я около школы, из автомата... Я не пойду в школу... Мама, мамочка, что ты плачешь?.. Это я... Я поеду домой и подожду тебя... Только ты не плачь, хорошо?.. Я еду...

Пойти на "Пушкинскую", где вчера её встретили ландыши, она не смогла. Первый раз ей подарили цветы не к Восьмому марта, не на день рождения, а просто так.

И она пошла домой пешком.

Потом поехала на троллейбусе - сначала по бывшей Малой Дмитровке, затем по бывшей Долгоруковской, через когда-то Новую Слободу. Справа остался вокзал, построенный на месте Бутырской заставы, а она уже ехала на автобусе. Слева мелькнула церквушка и метро "Алтуфьево".

Закат она встретила дома - сидя на полу. С телефоном.

- Я у тебя ландыши забыла...

И руки привычно вторили ей...

ЭРЗАЦ – ФАНТАЗИЯ

Соч.78

Она взяла мою голову двумя руками - аккуратно, за виски, - и наклонила её под тёплую струю воды. Подбородок упёрся в мокрый фаянс раковины, и тут же по моей голове побежали нежные её коготки. Я не сопротивился, - мне было приятно под этой струёй, мне было приятно ощущать её хрупкие руки. Она погрузила меня в пену. Она мыла мне голову.

* * *

Она взяла мою голову двумя руками - аккуратно, за виски, - и наклонила её под струю воды. Вырваться я не мог - сколько ни пытался поднять голову, чтобы хоть чуть-чуть захватить воздуха, слизнуть несколько кислородинок с поверхности воды. Белая и красная кислородина...

* * *

Трое военных - майор, подполковник и майор-другой, тощий и чернявенький, - сидели на одном из последних рядов зрительного зала. Это был зал кинотеатра, старого-престарого.

рого, позабытого, где и фильмов-то уже не было. От кинотеатра остались только старые коричневые кресла, сцепленные в тройки-четверки, с порезанными сиденьями и спинками. Горел свет - под потолком несколько маленьких тусклых лампочек. В углу - за каким-то не то столом, не то стойкой с папками и личными делами, - сидел дежурный. Дежурный - потому что повязка на рукаве. Военкомат. Дежурный был младшим лейтенантом.

В зале - выпускной вечер. Много людей, школьники, девочки, - не могу их разглядеть. Собираются в поход, рюкзаки и мешочки со съестными припасами. Но уходят - как на войну: только я это вижу. Глупости, ничто об этом не говорит, всё очень весело и радужно, - я же вижу только эти нищие лампочки под потолком.

- Не все уходим, не все!.. - кричит подполковник. - Мы остаёмся работать, будем работать...

И дежурный из угла следит, как мы работаем.

- Я его сейчас, этого лейтенантика!.. - кипятится майор-другой. - Он что, не видит, что мы в форме?! Он не понимает, что тут есть старшие по званию?!..

А до этого мы все бегали и искали автобус - мы ведь просто ехали на шашлыки, за город, в лес, в поле, куда угодно... По улице (было темно) ехал автобус, водитель сказал, что до Фрязево. Договорились, что он нас подбросит, - то ли на обратном пути, то ли сразу. Я был чем-то занят, не успел по-

нять. Теперь мы сидим в школе и ждём, пока он за нами заедет.

Бомбёжка. Значит - война, а что же ещё? Вальс - значит, прощальный, а как же ещё?... Затемнение на окнах. Вальс при затемнении, красиво.

Утром ходим и ищем транспорт. Где мы? Что мы? Всё вокруг меняется, появляются новые люди, когда-то уже знакомые. А где тот подполковник, где майор? Что стало с дежурным, за него и вчера ещё было страшно...

По улице едет трамвай - старый, агитационный. Как по Ланжероновской. С объездом - на Девятой или Десятой станции Фонтана, не помню, - где он делает крюк вправо, строгий и прямоугольный. Чтобы объехать - что? Сползшую насыпь?

За рулем трамвая - бабуля. «Куда?» - я, оказывается, проголосовал, но мысленно, я это помню.

- В Калугу.

- С ума сошел! Поездом надо... (И она что-то говорит тем, кто сидит внутри вагона. Вагон - я заглянул в него, - двухэтажный, но только внутри. Снаружи - всё очень обычно. А внутри - небольшим амфитеатром, как маленький зрительный зал. Второй ярус стал возмущаться, что-то звякнуло, и вагон поехал.)

В школе - эвакуация. Все собирают вещи. Всё разбросано

по полу.

Подходит автобус - ПАЗик, - надо собираться и ехать. Побрасываем в него все вещи, рюкзаки. Вещи - все на виду, все собираются открыто. Вещи - разные. Кто-то берет с собой для купания, кто-то - для лыж, кто-то - для бала. «Для лыж - не потребуется!» - не говорю, а знаю. Это уже в автобусе. На ступеньках - у двери, задняя, створки плохо работают, - мы аккуратно расставляем обувь, как на галошнице.

Вагон едет, не закрывая дверей.

- Погодите, там ещё люди остались!..

- Да он только отъедет, не волнуйся...

Он отъезжает — это правда, но он набирает ход... Я кричу, нахожу кнопку сигнала водителю, — это и не кнопка оказывается, а тумблер. Маленький черный тумблер. Я щёлкаю, перещёлкиваю и не понимаю, в каком положении он работает. Водитель оборачивается. «А остальные?» - мой вопрос уже и мне кажется неуместным. «Им ещё не время, остальные»...

Что это? Автобус, развозящий нас по смертям. По нашим неблизким смертям.

Всё быстрее и быстрее. По полу - вещи. Только люди опять поменялись. К тем же вещам пришли другие люди.

Следующие люди. Это - следующий майор, он любит петь

и расчесывать бороду. Бороды у него нет – «Не растёт, падла!» - но поёт и вправду неплохо. Борода будет следующей у этих тапочек.

А всё началось с того, что я во сне написал рассказ. Где собрал компанию каких-то знакомых и плохо придуманных людей. Мне нужна была «драматическая история», вот я и стал её сочинять. Я придумывал, кто как будет погибать. И вот теперь всё это происходило.

Умирал он как в кинофильмах. И не в одном, а сразу в нескольких.

Автобус упал с обрыва в реку. Но пока летел, выяснилось, что не упал - а заехал. Чтобы переехать. Он упал, свалившись с бревен, перевернувшись через край, когда, казалось, всё было позади. Это было очень замедленно и красиво. Потом, под водой, он оказался уже троллейбусом.

Вот он газует - с места; я вижу, как из-под задних колёс, чуть ли не мне в лицо, вылетают комья земли, какие-то мелкие камни. Он трогается и входит в воду - впереди брод. Там уже проложены брёвна, на которые должны попасть колёса. Тот, дальний берег, несколько выше нашего, но по этим брёвнам он вползет на него. Речка извилиста, как в горах, течение быстрое, по берегу - галька. Вот он уже забрался на брёвна, колёса идут ровно по ним; он поднимается всё выше

и выше - то ли тот берег вырос, пока он ехал, то ли и раньше был высоким. И почти уже выпрямился, как вдруг заднее колесо сорвалось, автобус стал крениться, больше и больше, — это была замедленная съёмка, - и стал медленно падать в реку.

Кто-то подоспел к нему - уже в воде. Вода идущему была по щиколотку. Нет, по колено, намокли джинсы - почти до карманов.

- Прыгай! Прыгай, не успеешь!.. - Он, этот подошедший, выбил стекло в салоне чем-то тяжелым, вроде бревна.

Тот, другой, что был в кабине, что-то пытается сделать с ручками управления, что-то дёргает, переключает. Троллейбус постепенно и плавно встает на дыбы, опускаясь при этом глубже, ещё глубже...

- Сейчас коротнёт, - говорю я ей.

Тут что-то вспыхивает, как огромный и мгновенный костёр, все отбегают, троллейбус уходит под воду. (А сначала я говорил тебе - отойди, взорвётся бензобак. Я ведь говорил тебе!)

Потом все ходят потерянные по дому, слышны не голоса, а непрекращающееся шарканье ног. Такой гул ног, ноги не могут остановиться и всё пересказывают и пересказывают произошедшее. Топочут и бормочут.

Я лежу в постели с женщиной. Это - моя мать, но и моя любовница. Я закуриваю - тело отдыхает после нервного из-

вержения, призванного не принести удовольствие, а освободиться от надоедливого шарканья ног. «Я, знаешь, что сейчас вспомнила...» - «Что? То же, что и я, да?..» - тут заходит отец, и я понимаю, что это её муж. Она быстро переворачивает подушку «валетом». Он ходит по комнате, туда – обратно.

«Подойди к Петру, он потерял друга...»

- Петя, Петя, Николаша...

- Как тебе не стыдно! Зачем ты его отвлекаешь, - это заступает за меня перед отцом моя женщина, я её не узнаю, но спина продолжает помнить холодок её ногтей.

Петр сидит на табуретке в прихожей и плачет.

Это всё происходит в маленькой квартире, хрущобе, где на тридцати двух метрах сначала умудрились разместить две комнаты и кухню с прихожей, а теперь ещё и человек двадцать-тридцать народу.

Я подхожу к Петру - небритый, сидит и поднял глаза вверх. В глазах - слёзы.

Я прижимаю его голову к себе, к животу, к ремню, он плачет сильнее. Теплые слёзы по моим штанам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.